

ПОНЯТИЕ «САКРАЛЬНОЕ» В ТЕОЛИНГВИСТИКЕ

А.А. Сазонова

Иркутский государственный медицинский университет, г. Иркутск, Россия

Статья посвящена изучению специфики понятия «сакральное». Исследование выполнено в рамках теолингвистики. Объектом нашего исследования является понятие «сакральное». Предмет исследования – репрезентанты понятия «сакральное» в языке, религии и культуре. Материалом для настоящего исследования послужили лексикографические данные этимологических словарей и примеры католических и протестантских литургических жестов с участием руки. Цель статьи заключается в проведении сравнительно-сопоставительного анализа языковой и культурной репрезентации феномена «сакральное». В работе подробно рассмотрены различные подходы к его интерпретации и описаны формы его репрезентации. Особое внимание в данной статье уделено рассмотрению понятия «сакральное» в теолингвистике. Проведённый анализ содержания понятия позволил выявить ряд существенных особенностей. Речь идет о билатеральной природе сакрального, заключающаяся в гармоничном сосуществовании языческого и христианского, магического и божественного. Приведены и проанализированы примеры и механизмы репрезентации сакрального на вербальном и невербальном уровнях.

Ключевые слова: сакральный (священный), теолингвистика, Р. Отто, М. Элиаде, нуминозное, языческое сакральное, христианское сакральное, вербальные репрезентанты сакрального, невербальные репрезентанты сакрального.

Сакральное или священное (от лат. *sacer* – священное) относится к тем фундаментальным мировоззренческим категориям, без которых невозможно представить ни одно примитивное или развитое общество. Несмотря на то, что интерес к сакральному проявляли еще в глубокой древности, предметом научно-теоретических исследований оно становится лишь в середине XIX века благодаря работам Я. Гримма [1] и А.Н. Афанасьева [2]. В первой трети XX века вопросами изучения сакрального начинают активно заниматься представители социогуманитарных дисциплин, главным образом, философы, теологи и социологи. Среди них такие известные ученые, как Р. Отто, М. Элиаде, Р. Кайуа, Э. Дюркгейм, М. Шелер, Ф. Шлейермахер, М. Мосс, Н. Зёдерблом и многие другие. Что касается лингвистов, то данное понятие долгое время не входило в круг их научных интересов.

Исследование выполнено в рамках теолингвистики. Объектом нашего исследования является понятие «сакральное». Предмет исследования – репрезентанты понятия «сакральное» в языке и культуре. Материалом для настоящего исследования послужили лексикографические данные этимологических словарей и примеры литургических жестов в двух христианских конфессиях – католицизме и протестантизме. Цель статьи заключается в проведении сравнительно-сопоставительного анализа репрезентантов феномена «сакральное» в трёх направлениях: язык, религия, культура.

На западе, в частности в немецкой лингвистике, работы, связанные с исследованием сакрального, носили главным образом фрагментарный ха-

рактер и рассматривались в рамках изучения Библии. Одним из авторитетных изданий, публиковавших работы по изучению сакрального, был научный журнал «Linguistica Biblica. Interdisziplinäre Zeitschrift für Theologie und Linguistik» (1970–1993).

В российской лингвистике обращение к сакральному наблюдается в первой трети XX века в работах представителей религиозно-философского течения, а именно: А.Ф. Лосева [3], П.А. Флоренского [4] и С.Н. Булгакова [5]. По мнению В.А. Степаненко, «в основе их религиозно-философских взглядов лежит идея всеединства с установкой на цельное познание мира посредством синтеза религии, философии и науки». Имя и слово трактуется в их трудах как универсальная основа «всего». Это «всё» буквально пронизано именем и словом, прообразом которых признается слово Божие, которое пронизает собой все и содержит в себе все имена» [6. с. 94]. Разработанная учеными концепция всеединства стала отправным пунктом для развития онтологического учения о языке и послужила новой вехой в развитии отечественной лингвистической науки в целом.

В современной российской лингвистике обращение к сакральному отмечается с конца 90-х годов XX века в работах В.И. Постоваловой, В.Н. Топорова, Е.М. Верещагина, В.А. Степаненко и ряда других ученых. Особый интерес для нас представляет статья В.А. Степаненко «Der Krieg zwischen dem Sakralen und dem Profanen (anhand von Beispielen aus aktuellen russischsprachigen Medien) / Война между сакральным и профанным (на материале современных СМИ)» [7]. В ней она

рассматривает сферу сакрального как некое пространство, которое вследствие секуляризации почти полностью утратило свой исконно божественный статус. Такое «сакральное», по мнению автора статьи, ориентировано скорее на защиту «святости» государства, чем Царствия Божия. Искаженное понимание феномена сакрального, в свою очередь, привело к еще одной серьезной проблеме – сакрализации профанного, и, как следствие, возникновению так называемых псевдосакральных пространств. Это пространства, которым приписывают священный символический смысл. Несответствие природы сакрального с приписываемым ему содержанием часто становится предметом споров, освещаемых в современных русскоязычных СМИ. Значимость данной статьи, на наш взгляд, заключается в том, что представленный в ней анализ позволяет выявить те языковые средства и механизмы, с помощью которых создается «небожественное сакральное» в современном социуме.

«Священное» в интерпретации

Рудольфа фон Отто

Одним из первых, кто в XX веке дал объяснение сакральному и обозначил границы его понимания, был немецкий философ и теолог Рудольф фон Отто. Концепция, изложенная им в книге «Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным», является, по словам А.П. Забияко, «одним из наиболее адекватных описаний аффективного компонента религиозного опыта» [8. с. 867]. Суть данной концепции заключается в рассмотрении священного как специфической категории, которую сам Р. Отто называл категорией «Ganz Andere» (Совершенно Иного). Формирование данной категории «осуществляется в процессе синтеза рациональных и иррациональных моментов познания при первичности иррациональных начал» [9. с. 484]. Из этого следует, что из двух структурообразующих компонентов категории священного основополагающим следует считать иррациональное. В своей работе Отто пишет об этом следующее: «Осознание и признание чего-либо «священным» является в первую очередь своеобразной оценкой, которая осуществляется так только в религиозной области. [...] Как таковое, священное, содержит в себе совершенно своеобразный момент, который ускользает от рационального в указанном выше смысле, а потому оно совершенно недоступно для понятийного постижения» [10, с. 11]. В таком случае, по мнению Д.В. Пивоварова, «остаётся либо вовсе молчать о нем, либо обозначать его такими особыми «идеограммами», «знаками» или «сигналами», которые лишь приблизительно информируют нас о соответствующих переживаниях верующего» [11, с. 2]. Речь идет о тех переживаниях, которые испытывает человек в момент соприкосновения с таинствен-

ным, иным, или, выражаясь словами Р. Отто, нуминозным (от лат. *numen* – божественное волеизъявление, божество).

Позиционируя нуминозное как могущественную божественную силу, Р. Отто наделяет его сложной внутренней структурой, в основе которой лежит *Realitätsgefühl* (чувство реальности). От него, в свою очередь, образуются четыре ключевых элемента нуминозного: *Kreaturgefühl* (чувство тварности); *Mysterium tremendum* (тайна, повергающая в трепет или мистический ужас); *Fascinans* (восхищение) и *Sanctum als numinoser Wert* (священное как нуминозная ценность). Сущность этих элементов заключается в следующем:

- «Чувство тварности», согласно Р. Отто, – это «чувство твари, которая тонет в собственном ничто и склоняется перед тем, что выше всякого творения» [10, с. 18]. В качестве примера ученый приводит эпизод из Книги Бытия, где Авраам говорит с Богом об участии содомитов. Авраам обращается к Господу со словами: «Вот, я решил говорить Владыке, я, прах и пепел» [12]. Отождествляя себя с прахом и пеплом и называя Бога Владыкой, Авраам, с одной стороны, подчеркивает тварность своего существования, а с другой стороны, возвеличивает Бога и указывает на его абсолютную власть. Прах и пепел здесь выступают в качестве метафорических форм выражения ничтожности и тленности человеческого бытия.

- Особенностью элемента «Тайна, повергающая в трепет» или «мистический ужас» является восприятие нуминозного объекта как воплощения тайны, вызывающей у человека чувство мистического ужаса и приводящей его в состояние ступора.

- «Восхищение» (лат. *fascino* – зачаровывать, завораживать) – это чувство блаженства и очарования, которое испытывает верующий в момент встречи с нуминозным. Теолог раскрывает сущность данного чувства следующим образом: «Сколь бы ужасающе-страшным не являлось демонически-божественное душе человека, оно будет для нее столь же притягательно-волнительным» [10, с. 59].

- Замыкает структуру нуминозного элемент «Священное как нуминозная ценность». Нуминозной ценностью Отто называет иррациональную основу, на которой выстроен весь комплекс описанных выше нуминозных чувств. Говоря об учении Р. Отто, следует отметить, что, несмотря на жесткую критику, оно послужило фундаментом для дальнейших исследований сакрального. Речь идет, прежде всего, о работах румынского философа и религиоведа М. Элиаде. Опираясь на труды Р. Отто, ученый разработал свою концепцию понимания сакрального, обозначив в качестве его основного признака принципиальное отличие от профанного.

«Священное» в понимании М. Элиаде

В своем труде «Священное и мирское» М. Элиаде пишет: «Человек узнает о священном потому, что оно проявляется, обнаруживается как нечто совершенно отличное от мирского» [13, с. 17]. Важно отметить, что, противопоставляя сакральное мирскому, М. Элиаде отнюдь не отрицает роли последнего, а, напротив, подчеркивает его взаимосвязь с сакральным. Для объяснения того, как именно взаимодействуют эти две реальности, ученый вводит понятие иерофании (от греч. *ιερός*, «священный» + греч. *φάως*, «светоч, свет»). Словом «иерофания» М. Элиаде обозначает «нечто священное, предстающее пред нами» [13, с. 18]. Иными словами, иерофания – это наглядное проявление священного в мирском, то есть физическом мире. Как отмечает М. Элиаде, «Объект, проявляя свойство сакрального, превращается в нечто совершенно иное, не переставая при этом быть самим собой, т. е. продолжая оставаться объектом окружающего космического пространства. Священный камень остается камнем; внешне (точнее, с мирской точки зрения) он ничем не отличается от других камней. Зато для тех, для кого в этом камне проявляется священное, напротив, его непосредственная, данная в ощущениях реальность преобразуется в реальность сверхъестественную» [Там же]. Ученый выделяет две основные формы иерофании: иерофания низшего порядка (элементарная) и иерофания высшего порядка (Божественная). В первом случае речь идет о проявлении священного в обыденных, привычных для религиозного человека объектах или явлениях, например, камне, дереве, рассвете, радуге; во втором случае мы имеем дело с проявлением куда более могущественным, а именно Божественным. Примером такой (антропоморфной) формы иерофании, по мнению М. Элиаде, служит воплощение Бога в Иисусе Христе.

Есть и другая точка зрения, согласно которой примерами высшей формой иерофании также могли быть и другие представители сакрального. К ним традиционно относили колдунов, жрецов, шаманов и иных священнодействующих лиц, обладавших особым даром и недоступными другим людям магическими знаниями. Их деятельность представляла большую практическую значимость и охватывала все сферы человеческой жизни. На элементарном уровне это выражалось в актах обращения к атмосферным явлениям (например, с целью вызова дождя); на более сложном – в пророчестве и целительстве. Так или иначе, о какой бы форме иерофании не шла речь – о предметной или антропоморфной – главным остается одно: иерофания – это, прежде всего, сам акт фиксации обнаружения сверхъестественной или потусторонней энергии. Важно подчеркнуть, что речь идет именно о фиксации, а не об искусственном обожевлении или «наделении» объекта свойствами, которыми он а priori не обладает. Священным или

сакральным мог быть признан только тот объект, который уже изначально, то есть с момента своего зарождения или обнаружения в природе, заключал в себе таинственное и демонстрировал нечто совершенно отличное от мирского.

Концепции, разработанные Р. Отто и М. Элиаде, в значительной степени расширили представления о природе сакрального и послужили отправным пунктом для дальнейших научных исследований, в частности, в лингвистике.

Категория «сакральное/священное» в лексикографии

Интерес лингвистов к данной категории был продиктован целым рядом нерешенных в этой области вопросов, важнейшими из которых были неопределенность понятийно-терминологического статуса сакрального, а также дефицит работ, раскрывающих особенности взаимодействия языка и духовной культуры народа на современном этапе.

При определении понятийно-терминологической границы сакрального ученые столкнулись с проблемой абстрактности этого понятия. «Сакральное» относится к разряду сложных неоднозначных понятий: для его обозначения требуется не одно, а целый спектр других структурных понятий. В этом можно убедиться, обратившись к этимологическим словарям. Так, по данным латинского этимологического словаря немецкого лексикографа А. Вальде сакральное, обозначаемое в латинском языке словом *sacer*, имеет следующие значения: *heilig* святой, священный; *geweiht/weihe* освященный; *verwünscht* заколдованный; *mystisch* мистический; *aufs Opfer bezüglich* жертвенный» [14, с. 1365–1366].

Согласно «Etymological Dictionary of Latin and the other Italic languages», «*sacer*» соотносится с такими понятиями, как *votive* посвященный богам, *holy* святой, священный, *dedicated* посвященный, *pray* молиться, *shrine* храм, святыня, *sacrifice* жертвовать» [15, с. 544]. Значение *votive* «посвященный богам» отмечает и автор словаря индоевропейских терминов Э. Бенвенист. К числу дополнительных значений слова «*sacer*» относятся: «отмеченный неистребимой запятнанностью, величественный и проклятый, достойный почитания и вызывающий ужас» [16, с. 348].

По данным немецкого этимологического словаря «DUDEN. Herkunftswörterbuch» *sacer*, нем. *sakral* – это религиозное понятие, которое актуализируется через такие значения, как *geheiligt* освященный, *geistlich* духовный, *kirchlich* церковный, *nicht weltlich* несветский, *religiös* религиозный, *theologisch* теологический [17, с. 608]. В свою очередь, другой немецкий этимологический словарь «Wahrig. Herkunftswörterbuch» указывает на то, что «нем. *sakral* соотносится с лат. *sacer einer Gottheit geweiht* посвященный Божеству, *heilig* святой; лат. *sacramentum Weihe* посвящение, *Verpflichtung* обет/обещание» [18, с. 537].

Анализ данных этимологических словарей позволяет установить, что «сакральное» актуализируется через комплекс понятий, заключенных между двумя полярными точками, а именно святой и вызывающий ужас, ср.: *святой*, священный, освященный, посвященный Богу, теологический, религиозный, несветский, церковный, духовный, мистический, заколдованный, жертвенный, посвященный богам, отмеченный неистребимой запятнанностью, величественный, проклятый, достойный почитания и *вызывающий ужас*.

Для исследований в русле теолингвистики предлагаю рассматривать структуру понятия «сакральное» с точки зрения христианства. Такой ракурс дает возможность выявления билатеральной природы данного понятия. Оно содержит в себе как языческое, так и христианское. На языческое *zaser* указывают такие значения, как мистический, заколдованный, жертвенный, посвященный богам, отмеченный неистребимой запятнанностью, величественный, проклятый, достойный почитания и вызывающий ужас; на христианское – святой, священный, освященный, посвященный Богу, теологический, религиозный, несветский, церковный, духовный.

Языческое сакральное – понятие, используемое для обозначения объектов мистического или сверхъестественного происхождения. Приписывание бытиям или предметам физического мира различных магических свойств, или, как принято говорить в науке, фетишизм – явление, характерное для так называемых архаичных обществ. В дохристианских языческих племенах вера в мистическую природу вещей представляла основу религиозного мировоззрения древних людей и во многом определяла их дальнейшее поведение с тем или иным культовым объектом. Магическим или культовым признавали тот объект, который отличался от ему подобных и поражал человеческое воображение.

В своем труде «Сверхъестественное в первобытном мышлении» Л. Леви-Брюль писал: «Какое-нибудь незаурядное внезапное событие, непривычная походка какого-нибудь животного, ненормальный рост какого-нибудь растения, причудливая форма какой-нибудь скалы, словом, все необычайное служит откровением присутствия и действия какой-нибудь из сверхъестественных сил, все это приобретает вещей смысл, подобно снам и предсказаниям» [19, с. 14]. По словам ученого, внешняя необычность или нестандартность предмета служила основным показателем присутствия в нем некоей абстрактной мистической силы. Все, что служило вместилищем этой силы, признавалось священным, т. е. в высшей степени действенным. Именно от него верующий ждал помощи и поддержки; он же был источником страха и опасений. С одной стороны, человек, приблизившийся к сакральному, был охвачен страхом грозящей ему реальной или мнимой опасности; с дру-

гой стороны, только сакральный объект обладал магическим потенциалом, способным сохранить верующему жизнь и оградить его от несчастья. Таким образом, в сакральном были тесно переплетены величественное и проклятое, достойное почитания и вызывающее ужас.

Научиться управлять сакральным и обращать его действие в свою пользу было главной задачей язычников. Для этого ими проводились различные обряды и ритуалы, многие из которых имели вербальное сопровождение. Сюда относили заговоры и заклинания, основным назначением которых было усиление магического эффекта ритуала. С развитием общества эти и другие ритуальные тексты стали менее популярными, однако было бы ошибочно утверждать, что они полностью исчезли. Некоторые из них до сих пор не утратили своей актуальности. Например, суеверия, сохранившие в себе тысячелетний опыт взаимодействия с сакральным, несмотря на свою алогичность, по-прежнему живут в сознании современного социума. Более подробное описание сути языческой природы сакрального и форм его репрезентации имеется в работах по изучению первобытных форм мышления [19, 20], мифов, магии, суеверий и обрядности [21–23].

Совершенно иную картину в понимании сакрального дает, с нашей точки зрения, «христианское сакральное». Отличительной чертой данного типа сакрального является его божественное происхождение. Бог – центральная фигура христианской картины мира – воспринимается верующими как «Высшее Существо, создающее и устраивающее мир, дающее вещам, существам и лицам их бытие, меру, назначение и закон» [24].

Все, что исходит от Бога или направлено на Него, признается священным, становится объектом почитания и приобретает в глазах верующих особый духовный смысл. Статусом сакрального могут быть наделены различные религиозные атрибуты (крест, икона), действия (церковные обряды и ритуалы), события (церковные праздники), время (семь дней сотворения мира), место (храмы), число (12 апостолов) и многое другое. В каждом из приведенных объектов верующие стремятся найти нечто, что позволяет им установить связь с Богом и получить необходимую помощь.

Особое место в системе христианского сакрального занимает язык. Сакральный язык является неотъемлемой составляющей духовной сферы, бесценным источником опыта взаимодействия человека и Бога, а также уникальным средством передачи и хранения священных знаний.

Н.Б. Мечковская рассматривает понятие «сакральный язык» в более узком смысле. Она характеризует его как «язык, которому в определенной конфессии или религиозном течении приписывается сакральный (священный) характер» [25, с. 16]. В качестве примера Н.Б. Мечковская приводит церковнославянский. По ее мнению, он полностью

соответствует критериям сакральности языка. К ним она относит: священный статус создателя языка; значимые, с религиозной точки зрения, события, на фоне которых происходило развитие данного языка; письменная форма языка [25, с.16].

Н.Б. Мечковская поясняет, что церковнославянский язык был создан святыми в период христианизации славян и применяется исключительно в литургической книжно-письменной сфере. Данным критериям также соответствуют латынь, греческий и некоторые другие языки, которые в современной науке называют апостольскими.

Такого рода интерпретация, несмотря на свою логичность и аргументированность, носит сугубо формальный характер и не раскрывает содержание рассматриваемого нами понятия. Между тем сакральный язык – это особая знаково-символьная система, отражающая опыт взаимодействия человека с идеальной (духовной) сферой. Он выходит за рамки лингвистики и тесно связан с философией и религией. Именно поэтому его реализация возможна как на вербальном, так и на невербальном уровне.

(Не)вербальная репрезентация сакральности

Средствами вербальной репрезентации сакральности выступают лексико-фразеологические единицы, обозначающие ключевые понятия религии (Бог, вера, дух, душа, добро, зло и др.). В совокупности они составляют обширный лексикографический комплекс, включающий в себя целый спектр разнообразных семантических групп и категорий, и обслуживающий все сферы религии.

В современной научной литературе разработано несколько классификаций сакральной лексики. Особо следует отметить стратификации А.М. Четыриной и А. Петриковой. В своем исследовании А.М. Четырина выделяет макро- и микрополя. К макрополям относятся: Сфера существования Бога; Сфера существования верующего человека; Ересь, отрицание Бога, неверие. К микрополям принадлежат: Божественное; Богопротивные силы; Вера в Бога; Верующий человек; Богослужение; Неверие; Отрицание Бога и богоборчество; Ересь. Каждое поле включает в себя несколько разделов, которые, в свою очередь, делятся на подгруппы [26, с. 24].

А. Петрикова анализирует сакральную лексику, разделяя ее на традиционно религиозную и интертекстуальную. К первой группе ученый относит обозначения Верховного Божества и небесных существ, названия религиозных действий, названия предметов с атрибутированными свойствами, обозначения конфессиональных признаков, названия книг Библии и их действующих лиц, именованные святых, наименования религиозных доктрин и понятий; обозначения существ и явлений, воплощающих зло; ко второй – топонимы, имена собственные, биологические реалии, назва-

ния частей тела, указания на семейную принадлежность» [26, с. 22]. Как следует из приведенных классификаций, сакральная лексика характеризуется сложной и неоднородной семантической структурой.

Другими особенностями языковых репрезентантов сакрального являются метафоричность и ассоциативность. Лучше всего это можно проследить на примерах сакральной фразеологии, основу которой составляют выражения библейского происхождения. К ним относятся «обороты, соотносимые со словосочетаниями (собственно фразеологизмы) и обороты-предложения, которые в пословично-афористической форме выражают всевозможные наставления, советы, нравоучения, предостережения, запреты, предписания, увещевания, пожелания и другие» [27, с. 12].

Как часть сакрального языкового инструментария, библейские выражения несут в себе глубокий смысл и изобилуют различными образами, аллегориями, метафорами и символами. Они передают представления об основных религиозных понятиях и являются своего рода нравственными ориентирами для верующего человека.

Группу невербальных репрезентантов сакральности языка составляют объекты окружающей действительности, осуществляющие связь с духовным миром бессловесным способом. Компонентами данной группы являются различные реликвии, мощи святых, элементы облачения церковнослужителей, церковная атрибутика, предметы искусства, памятники архитектуры, церковные праздники, ритуалы, цветообозначения, числа, жесты и многое другое. Все они, так или иначе, связывают нас с событиями, описанными в Библии, и освещают жизнь Иисуса Христа и его последователей. Эти репрезентанты представляют собой особый класс символов, каждый из которых имеет свое специфическое значение и скрывает в себе глубокий религиозный смысл.

Важное место в структуре невербальных репрезентантов сакральности занимают ритуальные жесты и позы. Как и другие невербальные репрезентанты, они призваны выполнять главную для себя функцию – способствовать установлению духовной связи с божественной сферой. Традиционно такие жесты и позы называют литургическими или молитвенными.

К литургическим позам в католицизме и протестантизме относятся: *das Stehen* (положение стоя), *das Sitzen* (положение сидя), *das Kniebeugen* (коленипреклонение), *Verbeugung* (поклон), *das Streiten* (шестьвие), *lithurgischer Kuss* (литургический поцелуй) и др. К литургическим жестам – *das Zusammenlegen der Handflächen / das Händefalten* (сложение рук для молитвы); *das Brustklopfen* (биение себя кулаком в грудь); *die Kreuzung der Arme* (сложенные крестом на груди); *das Erheben und Ausbreiten der Arme* (руки, раскинутые в стороны); *die Handauflegung* (рукоположение) и дру-

гие. Каждый из них, безусловно, является символом, несущим в себе особый, священный смысл и исторический характер.

Так, например, жест «Brustklopfen» (руки, ударяющие в грудь) имеет двойное значение. С одной стороны, он является внешним проявлением признания собственной вины; с другой используется для прославления величия Бога. Во время богослужения священник трижды ударяет себя в область сердца рукой, сжатой в кулак. Тем самым он признается в грехопадении и наказывает себя за содеянное. Место удара также выбрано неслучайно. Дело в том, что «сердце долгое время считалось источником и местом грехов. Ударить себя в грудь – значит осознать свой грех, искренне покаяться и публично исповедаться» [28, с. 170]. Упоминание о жесте «Brustklopfen» мы находим в одной из притч Нового Завета:

Es gingen zwei Menschen hinauf in den Tempel, zu beten, einer ein Pharisäer, der andere ein Zöllner. Der Pharisäer stand und betete bei sich selbst also: Ich danke dir, Gott, daß ich nicht bin wie die anderen Leute, Räuber, Ungerechte, Ehebrecher, oder auch wie dieser Zöllner. Ich faste zweimal in der Woche und gebe den Zehnten von allem, was ich habe. Und der Zöllner stand von ferne, wollte auch seine Augen nicht aufheben gen Himmel, sondern schlug an seine Brust und sprach: Gott, sei mir Sünder gnädig! Ich sage euch: Dieser ging hinab gerechtfertigt in sein Haus vor jenem. Denn wer sich selbst erhöht, der wird erniedrigt werden; und wer sich selbst erniedrigt, der wird erhöht werden [29]. – Два человека вошли в храм помолиться: один фарисей, а другой мытарь. Фарисей, став, молился сам в себе так: Боже! благодарю Тебя, что я не таков, как прочие люди, грабители, обидчики, прелюбодее, или как этот мытарь: пощусь два раза в неделю, даю десятую часть из всего, что приобретаю. Мытарь же, стоя вдали, не смел даже поднять глаз на небо; но, ударяя себя в грудь, говорил: Боже! будь милостив ко мне грешнику! Сказываю вам, что сей пошел оправданным в дом свой более, нежели тот: ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет, а унижающий себя возвысится [30].

«Цель притчи о фарисее и мытаре – показать, что никому не следует судить о своей праведности, исходя из собственных на этот счет представлений, и относиться к другим с презрением. Фарисей в своей молитве благодарил Бога за то, что создал его таким «хорошим человеком»; он скрупулезно исполняет закон и лучше других людей. «Другие люди» служили ему мерилom собственной праведности. Мытарю мерой праведности служил Бог, и, имея перед собой эту меру, он искренне сокрушался о своей греховности. Он сознавал, что ему не остается ничего другого, как молить Отца Небесного о прощении, полагаясь на Его милость. Идея этой притчи состоит в том, что людям необходимо смиряться перед Богом, чтобы получить прощение. Те, кто «возвышают» себя,

унижены будут Богом» [31]. Данный пример иллюстрирует использование жеста «Brustklopfen» сразу в двух значениях: осознание собственной ничтожности по сравнению с абсолютным величием Бога и признание своей греховности.

Литургический жест *das Zusammenlegen der Handflächen / das Händefalten* также представляет большую символическую ценность для духовного взаимодействия человека и Бога. Он относится к числу наиболее известных и популярных в богослужении и широко используется в различных религиозных течениях и практиках. История происхождения данного жеста уходит своими корнями в эпоху феодальной Европы. «Жест «*das Zusammenlegen der Handflächen / das Händefalten*» служил телесным подтверждением клятвы вассала своему сюзерену. С XIII века данный жест стали использовать при чтении молитв. Сохранена ключевая идея жеста – демонстрация послушания и верности своему господину, в молитве Господу Богу» [28, с. 179–180].

Молитвенные жесты как и другие невербальные репрезентанты сакральности способствуют более полному раскрытию сакрального смысла.

Приведенное выше исследование позволяет сделать ряд следующих выводов:

- 1) сакральное / священное – уникальная категория, изучение которой не ограничено какой-либо одной научной сферой знания;
- 2) согласно концепции Р. Отго, священное есть сложно структурированный религиозный феномен, характеризующийся целой гаммой ощущений и переживаний, которые испытывает человек в момент его встречи с божественным (нуминозным);
- 3) сакральное в понимании М. Элиаде – нечто, что противостоит мирскому. Ученый рассматривает сакральное в тесной связи с профанным и вводит понятие «иерофания», т. е. проявление сакрального в профанном или физическом мире.
- 4) сакральное – абстрактное понятие, для актуализации которого требуется множество других структурных понятий. По своему характеру оно билатерально, поскольку содержит в себе как языческое, так и христианское.
- 5) сакральное имеет как вербальные, так и невербальные репрезентанты. К вербальным относятся религиозные лексические единицы и фразеологизмы; к невербальным – различные реликвии, мощи святых, элементы облачения церковнослужителей, церковная атрибутика, предметы искусства, памятники архитектуры, церковные праздники, ритуалы, цветообозначения, числа и жесты.

Литература

1. Grimm, J. *Deutsche Mythologie: in 3 Bde. / J. Grimm. – [Wiesbaden]: Drei Lilien Edition. 1968. – 1044 s.*
2. Афанасьев, А.Н. *Мифы, поверья и суеверия славян / А.Н. Афанасьев. – М.: Изд-во «Эксмо»; СПб.: Terra Fantastica, 2002. – 768 с.*

3. Лосев, А.Ф. *Философия имени* / А.Ф. Лосев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с.
4. Флоренский, П.А. *Иконостас. Имена* / П.А. Флоренский. – М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: Фолио, 2003. – 330 с.
5. Булгаков, С.Н. *Философия имени* / С.Н. Булгаков. – СПб.: Наука, 1999. – 448 с.
6. Степаненко, В.А. *Слово / Logos / Имя – имена – слова: сравнительно-типологический анализ концепта «Душа. Seele. Soul» (на материале русского, немецкого и английского языков): дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 и 10.02.20* / В.А. Степаненко. – Иркутск: ИГЛУ, 2006. – 383 с.
7. Stepanenko, V. *Der Krieg zwischen dem Sakralen und dem Profanen (anhand von Beispielen aus aktuellen russischsprachigen Medien)* / V. Stepanenko // 23. *Linguistik- und Literaturtage in St. Petersburg, Russland: die Sprachen Mitteleuropas und darüber hinaus Internationale Fachtagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen (GeSuS). Abstracts.* – Staatliche Universität Sankt Petersburg, Philologische Fakultät, Lehrstuhl für Deutsche Philologie, 22.–24. Juni 2015. – Sankt Petersburg, 2015. – S. 62–63.
8. Забияко, А.П. *Религиозный опыт* / А.П. Забияко // *Религиоведение: энцикл. словарь.* – М., Акад. проект, 2006. – 1256 с.
9. *Словарь философских терминов* / науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова. – М.: ИНФРА-М, 2005. – 731 с.
10. Отто, Р. *Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным* / Р. Отто. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. – 274 с.
11. Пивоваров, Д.В. *Сакральное* / Д.В. Пивоваров // *Философия религии: курс лекций. Часть первая.* Режим доступа: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/3610/2/prof_ueur_2_pivovarov.pdf. Дата обращения: 07.01.2017
12. Библия онлайн. *Русский синодальный перевод. Книга Бытие. 18 глава.* – <https://www.bibleonline.ru/search/?s=Быт.18%3A27> (дата обращения: 07.01.2017)
13. Элиаде, М. *Священное и мирское* / М. Элиаде; пер. с фр., предисл. и коммент. Н.К. Гарбовского. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.
14. Walde, A. *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch* / A. Walde, J.B. Hofmann, E. Berger. – Heidelberg: Heidelberg, C. Winter, 1965. – 2045 S.
15. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages: Vol. 7.* – Leiden, Boston: Brill, 2008. – 825 p.
16. Бенвенист, Э. *Словарь индоевропейских социальных терминов* / Э. Бенвенист; пер. с фр. общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс Универс, 1995. – 456 с.
17. DUDEN 7 – *Das Herkunftswörterbuch: Bd.7.* Mannheim [etc.]: Dudenverlag, 1989. – 839 s.
18. WAHRIG *Herkunftswörterbuch: München [etc.]: Bertelsmann Lexikon Institut, 2003.* – 648 S.
19. Леви-Брюль, Л. *Сверхъестественное в первобытном мышлении* / Л. Леви-Брюль. – М., 1937. – 518 с.
20. Режабек, Е.Я. *Мифомышление. Когнитивный анализ* / Е.Я. Режабек. – М., 2003. – 304 с.
21. Кайуа, Р. *Миф и человек. Человек и сакральное* / Р. Кайуа. – М.: ОГИ, 2003. – 294 с.
22. Хюбнер, К. *Истина мифа: пер. с нем.* / К. Хюбнер. – М.: Республика, 1996. – 448 с.
23. Маковский, М.М. *У истоков человеческого языка* / М.М. Маковский. – М.: Изд-во «Либроком», 2012. – 176 с.
24. Аверинцев, С.С. *Бог* / С.С. Аверинцев, Т. Ибрагим, В.Г. Лысенко // *Большая российская энциклопедия.* – http://bigenc.ru/religious_studies/text/1871354 (дата обращения: 07.01.2017)
25. Мечковская, Н.Б. *Язык и религия: пособие для студентов гуманитарных вузов* / Н.Б. Мечковская. – М.: Агентство «ФАИР», 1998. – 352 с.
26. Казаков, Г.А. *Сакральная лексика в системе языка* / Г.А. Казаков. – М.: ИД «КДУ», 2016. – 142 с.
27. Дубровина, К.Н. *Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре* / К.Н. Дубровина. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – 264 с.
28. Suntrup R. *Die Bedeutung der liturgischen Gebärden und Bewegungen in lateinischen Auslegungen des 9. bis 13. Jahrhunderts* / R. Suntrup. – Wilhelm Fink Verlag, 1978. – 507 s.
29. *Bibel online. Deutsche Luther. Evangelium nach Lukas.* – <https://www.bibleonline.ru/search/?s=Lk.+18%3A10-14> (дата обращения: 07.01.2017)
30. Библия онлайн. *Русский синодальный перевод. Евангелие от Луки.* – <https://www.bibleonline.ru/search/?s=Быт.18%3A27> (дата обращения: 07.01.2017).
31. *Толкование Евангелия от Луки. 18 глава.* Режим доступа: <http://otveti.org/tolkovanie-biblii/evangelie-luki/18/> (дата обращения: 07.01.2017).

Сазонова Анна Андреевна, соискатель, Иркутский государственный медицинский университет, кафедра иностранных языков с курсами латинского языка и РКИ (Иркутск), sazonova2010@mail.ru

Поступила в редакцию 10 апреля 2017 г.

THE CONCEPT «SACRED» IN THEOLINGUISTICS

A.A. Sazonova, sazonova2010@mail.ru
Irkutsk State Medical University, Irkutsk, Russian Federation

The article is devoted to the study of the concept «sacred». The current study is carried out within the framework of theolinguistics. The object of our study is the concept «sacred». The subject is manifestations of the concept «sacred» in the language, religion and culture. The study is based on the data from etymological dictionaries and examples of Catholic and Protestant liturgical hand gestures. The purpose of the paper is to carry out a comparative analysis of the linguistic and cultural manifestations of the phenomenon «sacred». In the paper, different approaches to its interpretation are considered and manifestations are described. Special attention is paid to the consideration of the concept «sacred» in theolinguistics. The analysis of the concept's content allowed revealing some significant features. Bilateral nature of the sacred, a harmonious coexistence of pagan and Christian, magical and divine features are meant. Examples and mechanisms of manifesting the concept «sacred» both at verbal and nonverbal levels are given and analyzed.

Keywords: sacred (holy), theolinguistics, R. Otto, M. Eliade, numinous, pagan sacred, Christian sacred, verbal manifestations of the sacred, nonverbal manifestations of the sacred.

References

1. Grimm J. *Deutsche Mythologie*: in 3 Bde. [Wiesbaden]: Drei Lilien Edition, 1968, 1044 p.
2. Afanas'ev A.N. *Mify, pover'ya i sueveriya slavyan* [Slavic Myths, Beliefs and Superstitions]. Moscow, Izd-vo Eksmo; Saint Petersburg, Terra Fantastica Publ., 2002, 768 p.
3. Losev A.F. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of Name]. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta, 1990, 269 p.
4. Florenskij P.A. *Ikonostas. Imena* [The Iconostasis. Names]. Moscow, OOO «Izd-vo AST»; Har'kov, «Folio», 2003, 330 p.
5. Bulgakov S.N. *Filosofiya imeni* [The Philosophy of Name]. Saint Peterburg, Nauka, 1999, 448 p.
6. Stepanenko V.A. *Slovo / Logos / Imya – imena – slova: sravnitel'no-tipologicheskij analiz koncepta «Dusha. Seele. Soul» (na materiale russkogo, nemeckogo i anglijskogo yazykov)* [Word / Logos / Name – Names – Words: Comparative – Typological Analysis of the Concept «Dusha. Seele. Soul» (based on Russian, German and English languages)]. Dis. doc. philol.sci. Irkutsk, IGLU, 2006, 383 p.
7. Stepanenko V. *Der Krieg zwischen dem Sakralen und dem Profanen (anhand von Beispielen aus aktuellen russischsprachigen Medien)*. 23 Linguistik-und Literaturtage in St. Petersburg, Russland: die Sprachen Mitteleuropas und darüber hinaus Internationale Fachtagung der Gesellschaft für Sprache und Sprachen (GeSuS). Abstracts. Staatliche Universität Sankt Petersburg, Philologische Fakultät, Lehrstuhl für Deutsche Philologie, 22-24 Juni. Sankt Petersburg, 2015. pp. 62–63.
8. Zabayko A.P. *Religioznyj opyt. Religiovedenie : ehncikl. slovar'* [Religious experience. Religion Study : an Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Akad. proekt, 2006, 1256 p.
9. *Slovar' filosofskih terminov. Nauchnaya redakciya professora V.G. Kuznecova* [The Dictionary of Philosophical Terms. Ed. Prof. Kuznetsov]. Moscow, INFRA-M, 2005. 731 p.
10. Otto R. *Svyashchennoe. Ob irracional'nom v idee bozhestvennogo i ego so-otnoshenii s racional'nym* [The Sacred. About the Irrational in the Idea of the Divine and its Relation to the Irrational]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, 2008. 274 p.
11. http://elar.ufrj.br/bitstream/10995/3610/2/prof_ueiup_2_pivovarov.pdf. (accessed 07.01.2017)
12. <https://www.bibleonline.ru/search/?s=БѢТ.18%3A27> (accessed 07.01.2017)
13. Ehliade M. *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Moscow, Izd-vo MGU, 1994. 144p.
14. Walde A., Hofmann J.B., Berger E. *Lateinisches Etymologisches Wörterbuch*: Heidelberg, C. Winter, 1965. 2045 S.
15. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages* : Vol.7. Leiden, Boston: Brill, 2008. 825 p.
16. Benvenist EH. *Slovar' indoevropskikh social'nyh terminov* [The Dictionary of Indo-European social terms]. Moscow, Progress Univer, 1995. 456 p.
17. *DUDEN 7 – Das Herkunftswörterbuch* : Bd.7. Mannheim [etc.]: Dudenverlag, 1989. 839 S.
18. *WAHRIG Herkunftswörterbuch* : München [etc.]: Bertelsmann Lexikon Institut, 2003. 648 S.
19. Levi-Bryul' L. *Sverhestestvennoe v pervobytnom myshlenii* [Primitives and the Supernatural]. Moscow, 1937, 518 p.

20. Rezhabek E.YA. *Mifomyshlenie. Kognitivnyj analiz* [The Cognitive Analysis of Mythical Thinking]. Moscow, 2003, 304 p.
21. Kajua R. *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and a Man. Man and the Sacred]. Moscow, OGI, 2003, 294 p.
22. Hyubner K. *Istina mifa* [The Truth of the Myth]. Moscow, Respublika, 1996, 448 p.
23. Makovskij M.M. *U istokov chelovecheskogo yazyka* [At the Origin of Human Language]. Moscow, Izd-vo «Librokom», 2012. 176 p.
24. http://bigenc.ru/religious_studies/text/1871354 (accessed 07.01.2017)
25. Mechkovskaya N.B. *Yazyk i religiya: Posobie dlya studentov gumanitarnyh vuzov* [The Language and the Religion: Coursebook for Humanitarian Students]. Moscow, Agentstvo «FAIR», 1998, 352 p.
26. Kazakov G. A. *Sakral'naya leksika v sisteme yazyka* [Sacred Vocabulary in the Language System]. Moscow, ID «KDU», 2016, 142 p.
27. Dubrovina K.N. *Biblejskie frazeologizmy v russkoj i evropejskoj kul'ture* [The Bible Idioms in the Russian European Culture]. Moscow, FLINTA: Nauka, 2012, 264 p.
28. Suntrup R. *Die Bedeutung der liturgischen Gebärden und Bewegungen in lateinischen Auslegungen des 9. bis 13. Jahrhunderts*. Wilhelm Fink Verlag, 1978, 507 s.
29. <https://www.bibleonline.ru/search/?s=Lk.+18%3A10-14> (accessed 07.01.2017)
30. <https://www.bibleonline.ru/search/?s=Быт.18%3A27> (accessed 07.01.2017)
31. <http://otveti.org/tolkovanie-biblii/evangelie-luki/18/> (accessed 07.01.2017)

Anna A. Sazonova, Irkutsk State Medical University, Chair of Foreign Languages with Courses of Latin and Russian as a Foreign Language, sazonova2010@mail.ru

Received 10 April 2017

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Сазонова, А.А. Понятие «сакральное» в теолингвистике / А.А. Сазонова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». – 2018. – Т. 15, № 1. – С. 65–73. DOI: 10.14529/ling180112

FOR CITATION

Sazonova A.A. The Concept “Sacred” in Theolinguistics. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*. 2018, vol. 15, no. 1, pp. 65–73. (in Russ.). DOI: 10.14529/ling180112